

Н.М. Бурик

**«Свои» и «чужие»: советская пресса 1920-х гг.
о сибирском крестьянстве***

N.M. Burik

**«Ins» and «Outs»: Soviet Press of 1920s
about the Siberian Peasantry**

В 1920-е гг. в советском обществе происходил активный процесс расслоения крестьянства. В прессе выделяются такие категории населения, как «кулачество», «зажиточные», «средняки» и «бедняки». Журналисты на страницах газет дискредитировали зажиточное крестьянство: конструировали негативный образ «кулака» как «врага народа». Одновременно в качестве опоры советской власти выступали образы «бедняка» и «средняка». При этом у читателей формировалось амбивалентное представление: целостная социальная группа крестьянства раскололась на «своих» и «чужих».

Ключевые слова: газетная периодика, образ, социальная стратификация, «кулак», сибирское крестьянство.

В 1920-е гг. конфронтационный тип пропаганды пронизывал все социокультурное пространство нашей страны [1, с. 30]. Для утверждения новой советской идеологии большевикам необходимо было прибегнуть к четкой структуризации общества и выделению сторонников и противников. Наиболее критичные и негативные явления наблюдались в процессе расслоения крестьянства, которое претерпело значительные трансформации.

Слово «кулак», появившееся в середине XIX в., употреблялось в деревне как бранное, соответствующее «плуту» и «негодяю». «Кулаками» называли крестьян, имевших нечестный, нетрудовой доход (ростовщиков, скупщиков и торговцев). Слово, применяемое для негативной оценочной характеристики односельчан, первоначально не использовалось в сельской местности в отношении какой-либо определенной социальной группы крестьян [2, с. 5]. Подтверждением данного положения служат выдержки из дореволюционной бийской газеты «Алтай»: «Кроме местных и лепских торгашей появились на Киренге еще новые эксплуататоры — книгоноши... Они обращаются с крестьянами не лучше, чем все торгаши — кулаки (выделено нами. — Н. Б.)» [3].

Рассмотрим трактовку термина «кулак» современными исследователями. Г. Ф. Доброноженко говорит

There was an active process of peasantry stratification in the Soviet society in 1920s. Press places emphasis on such population categories as kulaks, substantial, medium and poor peasants. The journalists discredited the substantial peasantry on the pages of newspapers: they formed a negative image of a kulak and presented him as a public enemy. The image of a poor peasant and a medium one were a support for the Soviet power. Consequently an ambivalent understanding was formed among readers: an integrative social group of peasantry was split into «ins» and «outs».

Key words: newspapers periodicals, image, social stratification, «kulak», Siberian peasantry.

о том, что «кулаки» в послереволюционный период — это не социально-экономическая группа сельской буржуазии, а социальная группа крестьян, подвергшаяся дискриминации и репрессиям по политическим мотивам [4, с. 92]. «Кулаки» в большевистской практике были сконструированы по идейно-политическим критериям для устранения потенциальных и реальных противников большевистской политики в деревне [2, с. 12].

Н. Я. Гушин типологизировал категорию «кулаков», выделяя их по форме предпринимательства, по методам хозяйственной деятельности и т. д. Он пришел к выводу о том, что «кулачество» — это особый неустойчивый слой внутри класса крестьянства, так как «ежегодно значительная его часть переходила в ряды середняков, в то же время кулачество пополнялось «выдвиженцами» из верхушки середняцкого слоя». Следовательно, «кулачество» — крупное крестьянство, его верхний слой, отличающийся своим непостоянством [5, с. 35–39].

А. А. Раков утверждает, что собственно «кулаки» — богатые крестьяне, эксплуатировавшие своих односельчан и настроенные против советской власти, были уничтожены еще во время Гражданской войны. Однако в конце 1920-х гг. этот ярлык был перенесен на «средняков». На практике термин «кулак» толко-

* Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ «Источники юга Западной Сибири и сопредельных территорий XVII–XX вв.» №6.4137.2011.

вался и понимался расширенно: крестьян относили к числу «кулаков» не по экономическим признакам (размер налогообложения, наем рабочей силы и т. п.), а по политическим — прошлому или предполагаемому настоящему отношению к советской власти, к коллективизации. Он также отмечает, что опрос, проведенный крестьянской газетой «Беднота» в 1924 г. на тему «Кто такой кулак?», показал: респонденты в первую очередь выделяли «преступное прошлое» кулаков, а именно их участие в Гражданской войне на стороне белых [6, с. 95].

Таким образом, большинство современных исследователей утверждают, что «кулачество» как негативный элемент общества — это искусственно созданная в период правления большевиков социальная группа зажиточных людей, вычлененная из среды крестьянства.

В большевистской теории революционного процесса с марксистских позиций обосновывалось, что на первом, буржуазно-демократическом, этапе революции «кулачество» может выступать в составе всего крестьянства в качестве союзника пролетариата в его борьбе против самодержавия и помещиков за установление демократических свобод и порядков. Что касается второго, социалистического, этапа революции, то предполагалось, что на нем произойдет размежевание крестьянства на сельский пролетариат (батраков и бедноту), «средняков» и «кулаков» (сельскую буржуазию). На этот раз в качестве союзника пролетариата в его борьбе за власть рассматривались только деревенские низы, а «кулачество» квалифицировалось как контрреволюционная сила. С ним предстояло развернуть классовую борьбу в интересах трудящегося крестьянства, прежде всего батраков и бедняков [7, с. 107]. По мнению А. Н. Пахомовой, целью советской политики было изменить социальную психологию крестьянства для утверждения аксиомы — «беднота — первое сословие в советском государстве» [8, с. 27]. «Кулак» же должен был ассоциироваться с царским временем, в котором он «жил припеваючи» [9]: «Бывший купец, ныне заведующий камерами хранения Барнаульского холодильника Макаров, не стеснясь присутствия крестьян и спекулянтов, проливает горькие слезы о былых временах...» [10].

В 1920-е гг. со стороны власти проводилась планомерная работа по социальному расслоению крестьянства. Зажиточных крестьян противопоставляли беднейшим. Что же касалось середняков, то изначально их провозглашали союзниками бедняков и рабочего класса, а впоследствии нередко приравнивали к «кулакам» [11, с. 21]. Е. Н. Шуранова утверждает, что к 1924 г. социальная дифференциация деревни уже была заметна, однако представления крестьянства о себе как о целостном социуме сохранялись [12, с. 188].

Следует изучить проблему расслоения крестьянства в 1920-е гг. на страницах газет: выяснить трак-

товку терминов «кулак», «зажиточный», «средняк», «бедняк» в центральной печати, так как именно она задавала общероссийский идеологический тон, а также конкретизировать специфические особенности сибирского крестьянства на основе региональной прессы.

В 1920-е гг. на страницах газет активно обсуждался вопрос о разнородности сельского населения. В начале 1920-х гг. говорилось о зарождении процесса расслоения крестьянства: прослойка «кулачества» еще не сложилась, однако существовали «крепкие хозяйчики», превращавшиеся в «кулаков» [13]. В прессе выделялся ряд признаков, по которому крестьянина можно было отнести к «кулачеству»: деревенский мужик, имевший «крепкое хозяйство» и торговавший ради накопления денег — «мирод-паук», «хищник» [14].

Таким образом, «кулак» — это тот, кто эксплуатировал путем займа или путем ростовщичества чужую рабочую силу, а также занимался спекуляцией [15]. Например, бывшего крупного торговца и владельца маслозавода Одинцова, который торговал льном и хмелем, на страницах газеты «Красный Алтай» причисляли к «кулачеству» [16].

В середине 1920-х гг. в прессе определенной трактовки термина «кулак» не существовало, в связи с чем часто происходили серьезные ошибки [17]. Например, категория «зажиточного крестьянства» не всегда отождествлялась с «кулачеством», а занимала промежуточное положение: «...продолжается выделение из середняков сверхзажиточных (и из зажиточных — кулаков)» [18]. «Зажиточного крестьянина» относили к четвертой крестьянской группе (первая — «бедняки», вторая — «средняки», третья — «кулаки»). Характерным признаком зажиточного хозяйства являлось наличие в нем одной или нескольких молотилок, сеялок и подобного на паях со всеми или в едином пользовании [19]. Образ «зажиточного крестьянина» в статьях конструировался с негативной «кулацкой» окраской: «Колесов Степан хозяин крепкий, пахнет кулаком...» [20]; «В Ново-Михайловке семь дворов зажиточных. Большинство из них кулачки...» [21].

Итак, «зажиточный крестьянин» в первой половине 1920-х гг., по материалам советских газет, занимал промежуточное положение между «средняком» и «кулаком», тяготея к последнему. Четких границ в определении той или иной категории не существовало. В последующем «зажиточный крестьянин» и «кулак» стали отождествляться.

Образ «средняка» в прессе формировался в качестве примера для подражания. Корреспонденты писали о том, что эти крестьяне активно работают в кооперации и артели, вовремя платят необходимые налоги [22]. В «Красном Алтае» в 1926 г. «средняк» характеризовался как образцовый сознательный крестьянин: «Беспартийный крестьянин-средняк села Озерок Белоярского района товарищ Комаров построил утепленный скотный двор, имеет рядовую сеялку и ве-

дет культурное производство. Выписывает «Красный Алтай», «Бедноту», «Сельскую правду»... Нынче летом в самое страдное время бесплатно помог убрать с поля хлеб, посеянный сельячкой РЛКСМ» [23].

Итак, образ «средняка» формировался в качестве передового труженика, честного, справедливого, ответственного, исполнительного, грамотного человека, благодаря которому держится и процветает деревня и сельское хозяйство.

Образ «бедняка» конструировался в противовес «зажиточному крестьянству». Показательными являются внешние физические особенности «бедняка», представленные корреспондентами на страницах газет: «исхудалые, от вековечной работы на мироедов, руки». В газетах акцентировалось внимание на власти «кулака» над «бедняком». Это объяснялось тем, что «зажиточный» был более развит, опытен и имел природную хитрость [24]. В прессе постоянно писали о задержке «кулаками» хлеба, а «беднота», в свою очередь, сдавала все излишки [25]. «Кулак» в прессе был представлен в качестве злейшего врага бедняка [26]. В свою очередь, беднота для советской власти в прессе выступала в роли помощника [27]: «...к каким бы хитростям деревенский кулак ни прибегал всегда при помощи бедноты мы сумеем раскрыть кулацкие проделки...» [28].

С середины 1920-х гг. на страницах прессы активно обсуждался вопрос о сотрудничестве «средняка» с «бедняком», делался вывод о том, что неразрывного союза между ними еще не сложилось. Часть «бедноты» и «средняков», по словам авторов статей, находилась под влиянием зажиточных слоев деревни и в экономической зависимости от них [29].

Отдельно на страницах газет обсуждался вопрос о сибирском крестьянстве. В прессе отмечалось, что Сибирь никогда не была «помещичьей». Сибирское крестьянство кардинально отличалось от крестьян европейской части страны. В Сибири идеал у рядового крестьянина сводился к тому, чтобы как можно больше запахать земли, развести как можно больше скота: «стоять твердой ногой на своей земле, хотя бы с большим своим личным трудом». Идеал крестьянина европейской части был иной: «как бы разбогатеть настолько, чтобы можно было эксплуатировать соседа, то есть быть или кулаком, торгашом или ростовщиком» [30].

Итак, образ сибирского крестьянина приравнивался к образу «хозяина-старателя», «борца с природой». Отмечалось, что кулацкого засилья в Сибири не было и доминировало «средняцкое» хозяйство. Единственный отрицательный момент, отмеченный журналистом, — использование детского труда в семьях [30].

Современные историки также придерживаются данной точки зрения. Например, Я. А. Климук пишет, что среднее, по сибирским меркам, хозяйство не усту-

пало «кулацкому» хозяйству европейской части страны [11, с. 17]. Однако в начале 1920-х гг. произошло массовое обеднячивание сибирской деревни из-за политики большевистского режима и Гражданской войны. Аграрное производство начало восстанавливаться с 1923 г. Наблюдалась вертикальная мобильность крестьянства. Однако прессинг по отношению к наиболее зажиточным слоям населения препятствовал расширению размеров хозяйства, росту их товарности, приводил к нивелировке деревни на среднем уровне. В результате с середины 1920-х гг. темпы роста состоятельности и хозяйства сибирских крестьян в регионе снижались [31, с. 20].

К концу 1920-х гг. статьи, касающиеся крестьянского расслоения, носят более агрессивный характер, с целенаправленным настроением «средняков» и «бедняков» против зажиточных крестьян. Корреспонденты писали о том, что советская власть идет к «мирному крестьянству с добром», а к «кулакам» — с ножом. На страницах газет отмечалось, что беднота теперь не такая «забитая», как прежде [32].

В переписке Сибкрайкома с отделом агитации и пропаганды Рубцовского окружного комитета сохранилось постановление от 1929 г., по которому на печать и рабселькоров со стороны власти возлагались большие надежды: они должны были стать лучшими пропагандистами, агитаторами и коллективными организаторами основных крестьянских масс. В одном из пунктов постановления сообщалось о «развернутом наступлении на кулака при опоре на бедноту и батрачество в союзе со средняком, за решительное выкорчевывание корней капитализма, за ликвидацию кулачества как класса» [33, л. 7].

Таким образом, к концу 1920-х гг. пресса выступала в качестве основного транслятора большевистской идеологии. Она должна была способствовать усилению процесса расслоения крестьянства: сохранять и укреплять передовые позиции «бедняков» и «средняков» и разоблачать «кулаков».

В исследуемый период синонимично термину «кулак» начинает употребляться термин «враг народа» или «враг советской власти», который только в 1930-е гг. будет широко использоваться в прессе. Подтверждением тому служит выдержка из статьи «Красная доска»: «Несмотря на нашептывания кулаков, спекулянтов, попов и прочих врагов советской власти, крестьяне выполняют разверстки...» [34]. В статье «Можно ли верить кулакам» зажиточных крестьян также представляли в качестве «врагов народа» [35]. Со страниц газет звучали призывы к борьбе с «вражескими элементами общества»: «Товарищи труженики! Гоните прочь кулаков из сельсоветов, это ваши вековечные, заядлые враги» [36].

Современный исследователь Н. Б. Арнаутов говорит о том, что термин и образ «врага народа» существовал в политике и пропаганде большевиков еще до прихода к власти, но в период революции

и Гражданской войны он относился к помещикам, генералитету, буржуазии, капиталистам, заводчикам, банкирам, офицерству. В период коллективизации особый акцент в политической пропаганде ставился на актуализацию «кулака», отождествляемого с образом «врага народа» [37, с. 200].

Итак, в 1920-е гг. в прессе активно обсуждался процесс расслоения крестьянства. В первой половине 1920-х гг. в газетах фигурировали четыре категории:

«кулаки», «зажиточные», «середняки», «бедняки». Четких признаков для причисления крестьянина к той или иной группе не существовало. В связи с этим «зажиточное крестьянство» со второй половины 1920-х гг. стало отождествляться с «кулачеством». На страницах газет сообщалось о минимальной доле «кулацкого» хозяйства среди сибирского крестьянства. Однако общей тенденцией для 1920-х гг. являлось разделение крестьян советской прессой на «своих» и «чужих».

Библиографический список

1. Красильников С. А. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. — М., 2003.
2. Доброноженко Г. Ф. «Кулаки» в социальной политике государства в конце 1920-х — первой половины 1930-х гг. (на материалах Северного края) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. — Архангельск, 2010.
3. Сибирь // Алтай. — 1913. — 2 апр.
4. Доброноженко Г. Ф. Методология анализа социальной группы «кулаки» в отечественной историографии // Российская история. — 2009. — № 5.
5. Гушин Н. Я. «Раскулачивание» в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. — Новосибирск, 1996.
6. Раков А. А. Кто такой «кулак»? (Опыт регионально-го исследования по материалам архивов Южного Урала) // Российская история. — 2009. — № 5.
7. Шишкин В. И. Секретная операция Тюменской губернии по учету кулацкого элемента (июль 1920 — апрель 1921 г.) // Сибирская деревня: проблемы истории: сборник науч. трудов. — Новосибирск, 2004.
8. Пахомова А. Н. Формирование социальной структуры советского общества в 1917–1936 годы (на материалах Центрально-Черноземного региона) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Курск, 2004.
9. Чем занимаются кулаки // Красный Алтай. — 1927. — 19 авг.
10. Кулачок плачет о былых временах // Красный Алтай. — 1928. — 22 февр.
11. Климук Я. А. Политика «раскулачивания» и сопротивления алтайского крестьянства в 1928–1931 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. — Барнаул, 2008.
12. Шуранова Е. Н. Советы в нэповской деревне: восприятие крестьянами // Местное самоуправление в истории Сибири XIX–XX веков : сборник материалов региональной научной конференции. — Новосибирск, 2004.
13. Расслоение деревни // Правда. — 1923. — 15 сент.
14. Дискуссионный листок № 7 (к XIII съезду РКП) // Правда. — 1924. — 23 мая.
15. Осинский Н. На тему о кулаке // Правда. — 1925. — 13 янв.
16. Кулак Одинцов торгует без патента // Красный Алтай. — 1928. — 27 янв.
17. Новый политический подход к деревне // Правда. — 1925. — 7 марта.
18. Ларин Ю. О динамике расслоения // Правда. — 1926. — 28 янв.
19. Кулешов. Зажиточные // Правда. — 1926. — 8 янв.
20. «Мерей меньше — угощу вином». Такова кулацкая повадка // Красный Алтай. — 1928. — 8 июля.
21. Семь косых домов // Красный Алтай. — 1927. — 2 ноября.
22. Берите пример // Красный Алтай. — 1927. — 27 сент.
23. Передовик // Красный Алтай. — 1926. — 3 февр.
24. Деревенская беднота и кулачество // Наш труд. — 1921. — 1 июля.
25. Примерный бедняк Писарев // Красный Алтай. — 1928. — 10 февр.
26. Прodelки кулаков // Кулундинская правда. — 1921. — 16 апр.
27. Беднота на помощь Советской власти // Красная степь. — 1924. — 8 июля.
28. Работа кулаков // Красная степь. — 1922. — № 13.
29. Роль середняка // Красный Алтай. — 1926. — 8 янв.
30. Черков И. Взгляды на сибирское крестьянство, как на социальный элемент // Правда. — 1921. — 11 февр.
31. Бадалян Т. М. Очерки истории крестьянского двора и семьи в Западной Сибири. Конец 1920-х — 1980-е годы. — Новосибирск, 2001.
32. Кулацкие запугивания нам не страшны // Красный Алтай. — 1928. — 25 марта.
33. Государственный архив Алтайского края (ГААК). — Ф. П-34. — Оп. 1. — Д. 586.
34. Красная доска // Кулундинская правда. — 1920. — 13 ноября.
35. Можно ли верить кулакам // Кулундинская правда. — 1921. — 2 марта.
36. Что делается в сельсовете // Красная степь. — 1923. — № 36.
37. Арнаут Н. Б. Использование образа «врага народа» в периодической печати Западной Сибири в период «большого террора» // Исторический ежегодник. — Новосибирск, 2007.